

В тот момент они подумали о храмах, где возвышаются бесчисленные божества, вззирающие на смертных. Перед божествами они испытывали благоговение и желание преклонить колени, но сейчас их сердца трепетали. Аура убийства, накопленная в бесчисленных битвах, пропитанная кровью и костями, заставила их души содрогнуться от страха.

Владычица города Уван, Нань Лицзю! Та самая легендарная женщина, которая охраняла Врата духов и в одиночку уничтожила миллионную армию Царства призраков Преисподней.

Шумный город Циньчжоу внезапно затих, остались только горящие дома.

Внезапно раздался возбуждённый крик:

— Владычица велика!

Голос, усиленный звуковой техникой, принадлежал культиватору на Этапе вершины ядра. Он прокатился, словно раскат грома, заставив уши болеть.

С этим криком последовали отклики учеников Дворца Сюаньюй из Циньчжоу.

— Владычица велика!

Крики нарастали, сливаясь в единый гул, и вскоре весь город наполнился этими словами.

Лун Чи стояла у подножия городской стены, глядя на фигуру Нань Лицзю наверху.

Она знала, что Нань Лицзю использовала магию, но всё равно казалось, что та сияет ослепительным светом.

Лун Чи потеряла глаза, пытаясь понять, не попала ли под иллюзию. Она вспомнила, как Нань Лицзю в одиночку защищала город от миллионной армии Царства призраков Преисподней. Ей невольно пришло в голову, что, возможно, именно так Нань Лицзю смотрела на ту армию.

Западные ворота!

Старший сын клана Синь, под предлогом мести за отца, вернул тридцать тысяч солдат, расквартированных в южном лагере, обратно в город. Командир южных ворот, принадлежавший клану Синь, увидев старшего сына с армией, немедленно открыл ворота.

Тридцать тысяч солдат беспрепятственно вошли в Циньчжоу через южные ворота.

Величественная армия промчалась по улицам, и люди, сражавшиеся на улицах, разбежались в стороны. Они без помех устремились к внутреннему городу.

Старший сын клана Синь, верхом на белоснежном скакуне, в белых доспехах и траурной одежде, с траурной повязкой на голове, возглавлял сотню телохранителей и армию, мчась впереди всех. Когда он достиг ворот внутреннего города, внезапно почувствовал неладное.

У ворот, где должны были находиться члены клана Фэн, ответственные за охрану, никого не было. Те, кто должен был открыть ворота, также не появились. Ворота были закрыты, на стенах не было ни души, а из-за ворот доносились испуганные крики и звуки бегства.

Старший сын клана Синь резко остановил коня, и в момент, когда тот поднялся на дыбы, он увидел, как золотой свет начал распространяться с обеих сторон стены.

В одно мгновение камни взлетели в воздух, и крепкая кирпичная стена, словно под натиском безумного дракона, начала разрушаться с невероятной скоростью, превращаясь в пыль. На её месте появилась золотая стена, излучающая ужасающую ауру.

Это был город призраков Уван с Великой горы Инь!

Старший сын клана Синь почувствовал, как у него потемнело в глазах, и он чуть не свалился с коня.

Мысль пронеслась в его голове:

— Всё кончено!

Он не знал, как легендарный город призраков с Великой горы Инь мог появиться в Циньчжоу, но он знал, и этого было достаточно, что это дело рук Нань Лицзю! Он знал, что если этот город призраков появился, то даже миллионная армия будет недостаточной.

Старший сын клана Синь с кровавым взглядом уставился на стену. Его семья всё ещё находилась в городе. Чтобы убедить клан Фэн в своей искренности и позволить им «очистить дом», клан Фэн устроил настоящие похороны его отца. Его мать и братья всё ещё занимались похоронами. Он закричал:

— Вперёд!

Резко развернул коня и поскакал к внешнему городу.

Нань Лицзю разрушила стену внутреннего города Циньчжоу, устранив весь город, и спокойно опустилась на землю, где остались только пыль и обломки. Она повернула кресло, подняла Меч, разделяющий воды, засыпанный пылью, и, увидев, что Лун Чи всё ещё разглядывает разрушенную стену, даже не заметив пропажи меча, положила его на кресло.

Она направила кресло в сторону отделения Дворца Сюаньной. Будет ли ещё битва между кланами Фэн и Синь, её больше не волновало. Всё, что происходило перед её глазами, ясно показывало, что кровные узы в клане Фэн стоили меньше медной монеты. То, что она ценила, превратилось в пыль, как и эта разрушенная стена.

Золотое кресло двигалось по улицам внешнего города.

Дорога, покрытая толстым слоем пыли, была усеяна ямами, а на ней лежали тела с ужасающими ранами, смешанными с кровью и грязью, умершие в пыли.

Жизнь, как жизнь муравья, была самым реальным отражением того, что Нань Лицзю видела перед собой.

Под крышами домов толпились беженцы, которым некуда было идти. Они заплатили серебром, чтобы попасть в город, но все гостиницы были заполнены, а арендуемые дома уже заняты. Они вошли в город с семьями, но могли только ночевать на улицах. В городе царил хаос, многие не успели убежать и погибли в стычках, а некоторые воспользовались ситуацией, чтобы грабить, врываясь в магазины и убивая тех, кто сопротивлялся. Кто-то умирал, кто-то плакал над трупами, кто-то ругал небеса за несправедливость, и всё это смешивалось с далёкими криками «Владычица велика», разносящимися по всему городу.

Взгляд Нань Лицзю был холоден. Перед её глазами смешивались трупы на земле и горы трупов в её памяти. Бывший город Уван, похожий на царство призраков, и земля области Юньчжоу после вторжения Царства призраков Преисподней всплывали перед её глазами.

Она не была великой. Она даже не смогла сохранить тело своей матери, принеся его в жертву городу. Она не смогла сохранить город Уван. Она хотела защитить клан Фэн, чтобы они не были уничтожены в Циньчжоу.

Лун Чи посмотрела на Нань Лицзю впереди и на Фэн Цзяньюаня, сидящего в кресле и потерявшего сознание. Она подумала: «Нань Лицзю бросила своего деда?» Но затем представила, как Нань Лицзю в кресле толкает кресло Фэн Цзяньюаня, и поняла, что это было бы не совсем уместно.

Она с презрением посмотрела на слугу, связанного верёвками и обмочившегося от страха, который был недостаточно предан и не имел характера, чтобы толкать кресло Фэн Цзяньюаня, и решила сделать это сама. Она была крайне недовольна: «Что за радость толкать кресло этого старого урода».

Хотя Нань Лицзю была противной, она была красивой и сильной. По крайней мере, в боях Лун Чи никогда не видела, чтобы она проигрывала!

Она толкала кресло Фэн Цзяньюаня, чтобы догнать Нань Лицзю.

Это был первый раз, когда она толкала чьё-то кресло, кроме кресла Нань Лицзю. Она знала, что кресло Фэн Цзяньюаня не сравнится с креслом Нань Лицзю, но не ожидала, что разница будет такой большой.

Она толкала кресло Фэн Цзяньюаня недалеко, когда наткнулась на тело на земле. Она уже была опытной в толкании кресла, но это кресло было просто — тупым! Оно не смогло повернуть и врезалось в тело. Фэн Цзяньюань, потерявший сознание, вывалился из кресла, перекатился по пыльной земле и упал на тело, покрытый грязью.

Лун Чи, увидев, что Нань Лицзю не оборачивается, быстро подняла Фэн Цзяньюаня и посадила обратно в кресло.

Она, опасаясь, что он снова упадёт, даже сняла пояс с тела и привязала Фэн Цзяньюаня к креслу.

Она знала, что дорога неровная, и кресло будет трястись.

Но кресло Нань Лицзю не тряслось так сильно, кресло Фэн Цзяньюаня подскакивало, и если она бежала быстрее, оно теряло равновесие и могло опрокинуться.

Если бы кресло Нань Лицзю было таким, она бы просто взяла его на плечи. Но старый урод, она толкала его кресло только потому, что он был дедом Нань Лицзю, а нести его на плечах — это уж слишком.

Лун Чи подумала, что не может бросить деда Нань Лицзю. Поэтому она начала развязывать пояс, чтобы нести его. Пояс был крепко завязан, и она собиралась вытащить меч, чтобы разрезать его, но внезапно поняла — меча нет.

Лун Чи бросила Фэн Цзяньюаня и пошла искать свой Меч, разделяющий воды, но не нашла.

Место, где умер Фэн Сы, даже не было запачкано кровью! Когда Фэн Сы умер, её меч был у него? Где он? Она обыскала всё вокруг и схватила обмочившегося слугу:

— Видел мой меч?

Он был единственным живым человеком у ворот, кроме неё.

Слуга дрожал, и снова обмочился.

Лун Чи задержала дыхание, злясь на то, что он обмочился, и хотела ударить его. Она вернулась к Фэн Цзяньюаню, чтобы нести его и спросить у Нань Лицзю, есть ли у неё Меч, разделяющий воды. Кресло и пояс, которым был привязан Фэн Цзяньюань, остались, но самого Фэн Цзяньюаня не было.

<http://bllate.org/book/15297/1351492>